
Илья Шатов
"Баба Лиза. Додзё на максималках»
18+

Илья Шахов

"Баба Лиза. Додзё на максималках»

«Автор»
2026

Шахов И.

"Баба Лиза. Додзё на максималках» / И. Шахов — «Автор», 2026

Чистая комедия, ирония. Обычный молодой парень Арсений — циник, лентяй и типичный фрилансер — волею судьбы вынужден ухаживать за своей невыносимой, эксцентричной и невероятно острой на язык столетней прабабушкой. Баба Лиза — главный босс семьи, пережившая три денежные реформы, сталинский ампир и запуск первого спутника. Она весит сорок килограммов вместе с шерстяным платком, но командует всеми вокруг голосом генерала тяжелой артиллерии.Из-за их диалогов и внутреннего монолога героя книгу хочется растащить на цитаты. Арсений комментирует каждую бытовую катастрофу с таким непрошибаемым сарказмом, что у читателя не остается шансов удержаться от смеха. Под строгим надзором прабабушки героям предстоит пережить «манный апокалипсис», штурмом взять подмосковный санаторий, запустить миллионный блог, покорить мишленовские рестораны Токио и подиумы Парижа, подружиться с умной колонкой и даже... построить Илона Маска.Никаких соплей и драмы.

© Шахов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 7
Глава 4 8
Глава 5 9
Глава 6 10
Глава 7 11
Глава 8 12
Глава 9 14
Глава 10 15
Глава 11 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Илья Шахов
"Баба Лиза. Додзё на максималках»

Глава 1

Говорят, на пороге смерти перед глазами проносится вся жизнь. Ой ли. Когда тебе двадцать два, ты ленив, как сытый питон, а в твоей не достигшей финансовой зрелости берлоге пахнет вчерашней шавермой, остаётся только один вопрос: «За что?».

Мой персональный ответ случился во вторник. Погода в этот день была истинно питерской — небо цвета мокрого бетона и дождь, который уныло капал на ржавый отлив окна. Родители улетели в долгожданный отпуск, оставив меня один на один с главным боссом нашей семьи.

Знакомьтесь: баба Лиза. Сто один год неконтролируемой харизмы, чистой ярости и веса в районе сорока килограммов вместе с шерстяным платком.

— Арсений! — донеслось из глубины квартиры, и этот звук заставил меня вздрогнуть.

Голос у бабы Лизы был такой, словно она с юности командовала полком тяжелой артиллерии, причем без мегафона. Я вздохнул, оторвал себя от дивана и поплелся в её обитель.

Интерьер там не менялся со времен Карибского кризиса: полированная стенка «Хельга», пахнущая Красной Москвой и корвалолом, и огромный ламповый телевизор, накрытый кружевной салфеткой. Баба Лиза сидела на кровати, прямая как стрела, и хищно смотрела на меня сквозь круглые очки с линзами толщиной в палец. На её сухоньком лице выделялись две вещи: глубокие, как каньоны, честные морщины и вызывающе яркая, свеженакрашенная бордовая помада.

— Живой, баб Лиз. К сожалению. Что случилось? — спросил я, прислонившись к косяку.

— Что случилось? Ты мне принес не кашу, а строительную смесь. Ей можно дыры в стенах латать, но никак не кормить женщину в самом соку.

— Баб Лиз, это манная каша. Я варил её строго по инструкции на пачке.

— Тот, кто писал эту инструкцию, явно ненавидел человечество, — отрезала она, ткнув ложкой в тарелку с синей каёмочкой, где субстанция уже приняла форму идеального монолита. — Если я это съем, мой желудок встанет так же намертво, как твой карьерный рост. Унеси и похорони с почестями.

Я забрал тарелку. Спорить с бабой Лизой — это как пытаться переубедить несущийся на тебя поезд. Проще отойти.

— И сделай мне чай! — крикнула она мне в спину, поправляя съехавший на затылок платок. — Только нормальный! Не этот твой, в пакетиках, который пахнет кошачьим наполнителем и верой в светлое будущее. Насыпь настоящего, листового. И не жалей заварки, я не на поминках!

На кухне я вывалил кашу в мусорное ведро (она рухнула на дно как сбитый летчик) и включил старый, свистящий чайник. Мой внутренний голос тихо выл. Друзья сейчас пили пиво в баре и обсуждали новые игры. Я же топтался у плиты и вычислял идеальную пропорцию заварки для столетней женщины, которая пережила три денежные реформы, сталинский ампир и, судя по всему, переживет меня.

Глава 2

К вечеру баба Лиза решила, что мебель в ее комнате стоит «не по фэншую». Понятия о фэншуе у нее были специфические — всё должно было стоять так, чтобы ей было удобно швырять в меня тапком, если я вовремя не обновлю кипяток в резиновой грелке или задержу подачу отрывного календаря. По расписанию бабы Лизы её ноги должны были находиться в режиме вечного тропического лета, а ритуал утреннего уничтожения прожитого дня и чтение лунного прогноза для редиса был священен так же как вставная челюсть.

— Шкаф надо подвинуть к окну, — заявила она, министерски указывая пальцем на дубового монстра социалистического труда.. Этот саркофаг, кажется, держал на себе несущую стену дома.

— Баб Лиз, я не осилю такой объем советской радости. У меня протрузия, сколиоз и общая непереносимость физического труда.

— У тебя не протрузия, у тебя лень в терминальной стадии, — парировала баба Лиза, поправляя платок. — Мой второй муж, покойный доходяга Витенька, в твои годы рельсы таскал. А ты от одного вида мебели бледнеешь, как девица на выданье. Двигай, говорю. Мне свет из окна нужен.

— А этому монолиту для чего свет, баб Лиз? Он что, фотосинтезом занимается? У него там пальто зимнее растет?

— Не паясничай. Старших надо уважать. Особо тех, кто помнит, как твой дед в штаны дул.

Я вжался спиной в шкаф, уперся ногами в паркет и выдал звук, средний между хрипом умирающего моржа и турбиной самолета. Громадина даже не шелохнулась. Он посмотрел на меня своими зеркальными дверцами с глубоким презрением.

— Ну и что ты замер? — поинтересовалась баба Лиза, наблюдая за моими мучениями с живейшим интересом. — Ты его обнимаешь или соблазнить пытаешься? Сильнее давай! Вот молодежь нынче пошла — кожа да кости, а внутри — один вейп и глупость.

С третьей попытки, чудом не сломав позвоночник, я сдвинул шкаф на целых пять сантиметров. В стене что-то хрустнуло. Возможно, это была моя молодость.

— Хватит, — вдруг сказала баба Лиза.

— Что «хватит»? — тяжело дыша, спросил я.

— Хватит. Посмотрела я — там он будет смотреться глупо. Верни обратно.

В этот момент я понял, почему инквизиция в средние века работала так эффективно. У них просто были хорошие учителя.

Глава 3

Ближе к девяти вечера наступило время беспросветного дзена — просмотра телевизора. Баба Лиза признавала только два жанра: новости, где «все врут и скоро капитализму конец», и криминальные сериалы про ментов.

— Включай шестую кнопку, — скомандовала она, устраиваясь на подушках. — Там сейчас Глухарёв будет порядок наводить.

— Баб Лиз, может, включим что-то поспокойнее? National Geographic, например? Про котиков, про природу? Зачем тебе эти убийства на ночь глядя?

— Котики твои — бездельники. Жрут и спят, прямо как ты. А в сериале жизнь как она есть. И интрига! В прошлой серии Сидорчука отравили чебуреком, я хочу знать, кто это сделал.

— Спойлер: это сделал повар, — вздохнул я, переключая канал.

Экран вспыхнул. На нем суровые мужчины в кожанках из начала двухтысячных неторопливо осматривали место преступления. Баба Лиза подалась вперед.

— Вот смотри, Арсюша, — доверительно зашептала она. — Вот это герои. Лица волевые, куртки кожаные. А у тебя на ногах что? Джинсы с дырками?

— Это мода такая, баб Лиз.

— Мода у них Тьфу. В наше время если у тебя штаны рваные, значит, ты либо с забора рухнул, либо пьяный в канаве лежал. А сейчас за это еще и деньги платят. Выбрались к капитализму.

Через полчаса просмотра, когда на экране завязалась полномасштабная перестрелка на заброшенном заводе, баба Лиза вдруг повернулась ко мне:

— Арсюша.

— Да?

— А если к нам воры залезут, ты меня защитишь?

Я посмотрел на ее сорок килограммов чистого сарказма и честно ответил:

— Баб Лиз, если к нам залезут воры, я закроюсь в ванной, а тебя оставлю в коридоре. Через пять минут разговора с тобой они сами отдадут нам свои кошельки, явки, пароли, пинкоды и добровольно сдадутся полиции.

Баба Лиза помолчала секунду, а потом на ее лице расплылась редкая, хитрая улыбка.

— Ладно. Хвалю. Хоть соображалка у тебя работает. Иди, принеси мне пряник. Но только мягкий! Если принесешь черствый — я им в тебя кину, а меткость у меня со времен ворошиловских стрелков отличная.

Я пошел на кухню, чувствуя, что этот марафон выживания я, возможно, всё-таки доведу до конца. Если, конечно, завтра баба Лиза не решит перекрасить потолок в цвет «бедра испуганной нимфы с оттенком зрелой тоски по лучам академической прозы». От нее можно ожидать чего угодно.

Глава 4

Четверг обещал быть спокойным, но все испортила Вика. Вика была девушкой моей мечты: тонкие запястья, каре и полное отсутствие понимания того, во что она ввязывается. Мы встречались две недели, но я совершил критическую ошибку — пригласил ее в гости, пока родители в отпуске. Я забыл про фактор бабы Лизы. Точнее, мой мозг заблокировал эту травмирующую информацию ради выживания.

— Арсений, у тебя так тихо, — прошептала Вика, разуваясь в прихожей и аккуратно ставя свои белые кроссовки.

— Да, у меня тут… тихая гавань, — моментально соврал я, судорожно оглядываясь. На горизонте было чисто. Из комнат не доносилось ни звука, что пугало еще сильнее. Обычно такое затишье бывает перед цунами.

Мы прошли ко мне. Я включил музыку, разлил по бокалам вино (самое дешевое из тех, у которых на этикетке нет орфографических ошибок) и только-только придвинулся к мечте, как дверь распахнулась без стука. На пороге возникла баба Лиза. Она была в своем парадном халате с крупными кувшинками, привычно используя ходунки как таран.

— Так, — громко сказала она, мгновенно сканируя комнату взглядом опытного таможенника. — Я вижу, у нас тут гнездо разврата и дегустация контрафакта.

Вика вздрогнула и выронила бокал на ковер.

— Баб Лиз, познакомься, это Вика, — обреченно выдохнул я, мысленно прощаясь с личной жизнью.

Баба Лиза подошла ближе, колеса ее ходунков зловеще скрипнули. Она оглядела девушку с ног до головы, задержав взгляд на её эстетичном оверсайзе.

— Вика, значит. Победа вроде симпатичная, но бедная, судя по одежде. Ткани на колени не хватило? Или тебя в этих парусах тоже собаки рвали, как и моего оболтуса?

— Здравствуйте… — пролепетала Вика, бледнея.

— Смотря где, — отрезала баба Лиза, паркуя ходунки перед её носом. — Ты мне вот что скажи, Вика. Готовить умеешь? Борщ сварить сможешь такой, чтобы ложка стояла, а не падала, как Арсеньева самооценка?

— Я… я заказываю доставку, — честно призналась Вика.

Баба Лиза вздохнула с искренним сочувствием, какое проявляют к людям с тяжелыми неизлечимыми заболеваниями.

— Понятно. Поколение полуфабрикатов и самокатов. Ну ладно, Арсюша у нас тоже не академик Павлов, рефлексы по ТикТоку изучает. Не буду мешать научному процессу. Только музыку сделай тише, Арсений. От этих твоих басов у меня Шаляпин заикается.

Она развернулась на месте с ловкостью водителя погрузчика и покатила обратно в коридор, бросив напоследок:

— И ковер за собой почисти, винодел хренов.

Глава 5

В пятницу у бабы Лизы закончились таблетки «от давления, от сердца и от глупости окружающих». Мне был выдан клочок бумаги, исписанный почерком, напоминающим траекторию распада бозонов.

— Пойдешь в центральную аптеку, — строго наказала она. — Там работает Людочка, она меня знает. Скажешь, что ты от Елизаветы Петровны. Если попытается втюхать аналог — плюнь ей в окошко. Аналоги — это утонченное покушение посредством копий.

— Баб Лиз, тут написано что-то похожее на «экспекто pectoris» и какой-то чертеж молекулы. Ты уверена, что это не рецепт вызова сатаны?

— Это таблетки для сосудов. Беги давай, ноги в руки. И не забудь сдачи принести до копейки. Я каждый рубль помню, у меня память получше, чем у твоего смартфона.

В аптеке была очередь из трех пенсионерок, которые обсуждали индексацию пенсий со страстью спортивных комментаторов. Когда подошел мой черед, я протянул бумажку.

— Мне вот это. Для Елизаветы Петровны. Внук я её. Точнее, правнук.

Фармацевт, женщина средних лет с усталым взглядом, посмотрела на листок, потом на меня. В ее глазах блеснуло искреннее сочувствие.

— А, Лиза… Жива еще, дай бог ей здоровья? — тихо спросила она.

— Переживет нас всех, — заверил я. — Так что там по списку?

— Тут половина лекарств уже три года как снята с производства, — вздохнула аптекарша. — Но я знаю, что она пьет. Возьмите вот это и вот это. Только скажите ей, что это именно те, старые, иначе она устроит здесь всем "праздник здоровья".

— Спасибо, женщина. Вы спасли одну молодую жизнь, — искренне сказал я, забирая пакет.

На выходе из аптеки я чувствовал себя безумным профессором, который только что выменял у теневого синдиката недостающий изотоп урана, чтобы запустить термоядерный реактор в хрущевке. Быт с бабой Лизой учил меня конспирации лучше, чем школа шпионов.

Глава 6

Субботний вечер столкнул лбами две величайшие дисциплины человечества: европейский футбол и советскую эстраду.

По телевизору одновременно шли финал Лиги чемпионов, который я ждал полгода, и юбилейный концерт Льва Лещенко, который баба Лиза не могла пропустить «по идейным соображениям».

— Баб Лиз, ну пожалуйста. Умоляю, это вопрос жизни и смерти. Там «Реал» с «Ливерпулем» играют. Это исторический матч! — исполнял я, стоя на коленях перед ее креслом.

— Какой еще «Реал»? Какие-то миллионеры в трусах бегают по траве, а ты слюни пускаешь, — непреклонно заявила она, крепко сжимая в руке двенадцатый том Большой советской энциклопедии на букву «Л». Настоящая мертвая хватка. — Лев Валерьянович поет. Человек — эпоха! Голос — бархат! Не то что твои эти… астматики с микрофоном.

— Да Лещенко каждый год поет! А финал — один раз!

— Лещенко не вечен, Арсюша. Ему тоже скоро сто. Надо успеть насладиться культурой, пока ты окончательно не отупел от своего футбола.

— Баб Лиз, давай компромисс. Первый тайм — футбол, в перерыве — Лещенко.

— Никаких компромиссов с террористами, — отрезала баба Лиза. — Включай Льва, или я завтра скажу твоей матери, что ты приводил в дом девицу-отшельницу, и вы тут пили спиртные напитки из фамильного хрусталя.

Я замер.

— Мы пили из обычных стаканов!

— А я скажу, что из хрусталя. И что вы разбили салатницу, которую мне дарили на восьмидесятилетие. Кому твоя мать поверит — матери двоих детей и ветерану труда или тебе, тунеядцу?

Это был шах и мат. Против административного ресурса бабы Лизы не мог пойти ни один «Реал Мадрид».

Признав полное и безоговорочное превосходство верховной власти, я благоговейно отступил в свою комнату, скрылся за ноутбуком и выкрутил звук в наушниках до предела.

От бабы Лизы и советской эстрады функция шумоподавления неожиданно сжалась. Сквозь крики испанских комментаторов и свист трибун в мои уши настойчиво ввинчивался ее дребезжащий, но на удивление точный альт, выводящий: «Прощай! От всех вокзалов поезда-а-а уходят в дальние края!..»

Самое непредсказуемое случилось на восьмидесятой минуте матча. «Реал» забивал решающий гол, комментатор заходился в экстазе, а я поймал себя на том, что в такт атаке подпеваю бабе Лизе про соловьиную рощу. И знаете что? В этом оглушительном хаосе определенно крылся какой-то первобытный магнетизм. Старость подкралась незаметно.

Глава 7

Очередную глупость я совершил, когда решил автоматизировать быт бабы Лизы. Мне надоело каждые пять минут бегать из комнаты в комнату, чтобы подогнать громкость или переключить на погоду. Копилка фрилансера была уничтожена круглой черной фиговиной — умной колонкой с голосовым помощником.

— Это что за черная дыра? — подозрительно спросила баба Лиза, разглядывая устройство на тумбочке. — Шпионские штучки американские? Она нас подслушивает?

— Баб Лиз, это «Алиса». Умная колонка. Ты просто скажи ей, что тебе нужно, и она сделает. Например: «Алиса, включи Льва Лещенко».

Девайс весело мигнул фиолетовым и тут же завел: «Родительский до-о-ом, начало нача-а-ал…»

Баба Лиза от неожиданности чуть не выронила челюсть. Она перевела взгляд с черной коробки на меня, потом обратно.

— Ишь ты… Бездельница какая, в ящик залезла и поет. Алисочка, милая, а ну-ка скажи, какая завтра акклиматизация в Ленинграде?

Искусственный интеллект промолчал.

— Баб Лиз, ее надо сначала по имени назвать, — вздохнул я. — Скажи: «Алиса, что там на улице?».

— Алиса! — гаркнула баба Лиза так, что колонка испуганно моргнула. — Погода какая, спрашиваю? Будет дождь или мне суставы зря крутит?

— Завтра в Санкт-Петербурге ожидается переменная облачность, без осадков, плюс восемнадцать, — вежливо ответил цифровой голос.

— Грусть ты электронная, я тебя про Ленинград спрашивала, а не про твой Петербург, — нахмурилась прабабушка. — И вообще, восемнадцать градусов — это мало. Добавь до двадцати двух, а то у меня ноги мерзнут.

— Я не могу изменить прогноз, — ответила Алиса.

— Бесполезная вещь, — констатировала баба Лиза, теряя к гаджету всякий интерес. — Погоду поменять не может, спорит со старшими. Тьфу. Арсений, унеси эту черную таблетку, она меня раздражает своим идеальным тоном. Развелось тут помощников, а мусор вынести некому.

Вечером я зашел в комнату и застал сюрреалистичную картину. Баба Лиза сидела в кресле и вела с колонкой светскую беседу. Если, конечно, можно назвать беседой допрос с пристрастием.

— А я тебе говорю, Хрущев дурак был! — экспрессивно жестикулировала баба Лиза. — Кукурузу он сеять вздумал на вечной мерзлоте! Ты согласна?

— У меня нет личного мнения на этот счет, но историки утверждают… — пыталась вставить слово Алиса.

— Да что мне твои историки! Я тогда жила, а твои историки еще в проекте не значились! Включи-ка мне рецепт настоящих сибирских пельменей. Только без кулинарных изысков вроде базилика, у нас в семье это мыло не едят.

Через час колонка выдала ошибку подключения и ушла в перезагрузку. Судя по всему, искусственный интеллект впервые столкнулся с интеллектом естественным, закаленным веком советской истории, и просто не выдержал когнитивного диссонанса.

Глава 8

Понедельник. День Икс. В два часа дня возвращались родители. Я проснулся в одиннадцать и понял: квартира выглядит так, будто в ней снимали клип, отмечали Олимпиаду, запускали шаттл и массово тестировали новую партию фейерверков.

В углу сиротливо лежал ковёр с загадочным пятном, на кухне громоздилась Эйфелева башня из посуды, а в воздухе отчётливо пахло жареной картошкой. Её баба Лиза заставила меня приготовить среди ночи, потому что «ночные углеводы — это друзья, а друзей не бросают».

— Арсений, — раздался её ровный, хорошо поставленный голос из спальни. — Вставай, граф Индиго. Скоро явятся твои создатели, а у нас, выражаясь языком пролетариата, конь не валялся. Тебя мать за такой свинарник в детдом сдаст. Обратно, в двадцать два года.

— Баб Лиз, я всё успею, — прохрипел я, выползая в коридор с тряпкой наперевес.

— Ты двигаешься с грацией беременной каракатицы, — баба Лиза уже вовсю маневрировала на своих ходунках, сохраняя царственную осанку и раздавая ценные указания. — Посуду залей кипятком. Пятно на ковре засыпь солью, содой, святой водой и потри старой щёткой. Шкаф… шкаф вообще не трогай. Сделаем вид, что это концептуальное искусство.

Следующие два часа превратились в адский марафон. Я тёр, мыл, пылесосил и складывал вещи со скоростью профессионального клинера под ведром эспрессо. Баба Лиза работала метрономом: она сидела на стуле посреди коридора, элегантно держала в руке длинный рожок для обуви из слоновой кости и ритмично постукивала им по подлокотнику, диктуя темп.

— Быстрее, Арсюша, быстрее! Внутренние войска подтягиваются. Я уже слышу, как у подъезда тормозит такси, а у нас ещё финал не отрепетирован!

В 13:58 квартира сияла ложной, хрупкой чистотой. Пятно на ковре скрылось под креслом (мы просто передвинули кресло, к чёрту фэншуй), посуда блестела, колонка «Алиса» была спрятана в шкаф от греха подальше.

Раздался поворот ключа в замке. На пороге появились загорелые, уставшие родители с чемоданами. Мать первым делом подозрительно принюхалась, осмотрела прихожую и перевела взгляд на меня. Я стоял, тяжело дыша, с мокрой чёлкой и нервным тиком в правом глазу.

— Ну привет, — сказала мама, прищурившись. — Как вы тут? Всё целое? Арсений, ты почему такой бледный? Ты кормил бабушку?

Прежде чем я успел открыть рот и заявить, что это меня тут использовали как бесплатную рабочую силу, из комнаты царственной походкой (насколько это возможно с ходунками) вышла баба Лиза.

Она посмотрела на родителей, потом со скорбным и бесконечно усталым видом перевела взгляд на меня.

— Ой, деточки, приехали… — выдохнула прабабушка, и в её голосе появилось столько мученичества, что я чуть не упал на месте. — Слава богу. Жива осталась. Арсюша-то ваш… Целыми днями в своей этой коробочке телефонной сидит. Кормил меня сухими пайками какими-то, кашу сварить не мог — кирпич получился! Я уж думала, до ста двух лет не дотяну с таким уходом.

Я открыл рот. Воздуха не хватало. Мой внутренний циник и лентяй молча аплодировал стоя этой гениальной актрисе, у которой в серванте явно пылился не дошедший до неё «Оскар».

Мама тут же грозно посмотрела на меня:

— Арсений! Я так и знала! Мы тебе живого человека доверили, ветерана! А ты…

Баба Лиза незаметно для матери повернулась ко мне, подмигнула и беззвучно, одними губами произнесла: «Пряник не забудь принести».

Я вздохнул, улыбнулся и понял, что, кажется, я буду скучать по этому столетнему кошмару.

Глава 9

Ровно два дня назад я сдал тяжелейший проект и мысленно приготовился к неделе блаженного анабиоза на диване. Но юмор Вселенной решил прокачать меня, а не Comedy Club. Вечером мама, шурша какими-то бланками с водяными знаками, торжественно объявила, что профсоюз выделил бабе Лизе бесплатную путевку в подмосковный санаторий «Сосновый». На две недели. С полным пансионом и грязелечением. Не успел я оценить степень везения бабы Лизы, как мамино внимание начало медленно и зловеще фокусироваться на мне.

— Но есть одно «но», — мама посмотрела на меня взглядом хищника, загнавшего жертву в угол. — Бабушке нужен сопровождающий. Лифт там часто ломается, процедуры на разных этажах, да и одной ей скучно. Арсений, ты у нас фрилансер, работать за ноутбуком можно из любой точки мира, ты и поедешь.

Внутри меня все похолодело. Всплыли картины из хорроров: бесконечные коридоры, пахнущие хлоркой, заунывные крики чаек над серым озером и полчища пенсионеров, штурмующих столовую ради добавки манной каши.

— Мама, фриланс — это работа, а не оплачиваемый отпуск в профсоюзном доме здоровья! — взмолился я, судорожно пытаясь найти хоть сколько-нибудь весомые аргументы. — У меня дедлайны! У меня… новый контракт на носу! У меня созвоны с заказчиками каждый день в Зуме — как я буду выглядеть на фоне ковров и фикусов?

Вероятно, профессиональные трагедии моментально сложились в какой-то пазл, на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— У тебя две недели на свежем воздухе за счет государства, — отрезала мама. — И точка. Возьмешь свой роутер, поймаешь сеть на сосне. Не переломишься.

Баба Лиза, сидевшая рядом и уминавшая зефир, задумчиво улыбалась. Она уже вовсю мысленно паковала чемоданы, выбирая лучшие наряды для вечерних танцев в клубе санатория.

— Вот и отлично, — резюмировала она. — Поедем в общество белок и старых пней. Да и тебе, Арсюша, полезно. Лицо у тебя серое, как асфальт, ни здоровья, ни подворья. Хоть на людей посмотришь. На приличных людей, с пенсией и трудовым стажем.

Глава 10

— Умный, да? А если кризис или апокалипсис, мы с тобой эту зарядку твою куда воткнем? Клади, говорю!

Баба Лиза разгребала запасы своего концептуального шкафа. На полу уже образовалась приличная витрина для искателей винтажных раритетов, но скатерть-самобранка никак не унималась — кажется, в системе деревянного монстра где-то заел алгоритм бесконечности.

— Баба Лиза, там шведский стол! — протестовал я, пытаясь закрыть чемодан, который трещал по швам.

— Шведский стол — это для шведов, — непреклонно заявила прабабушка. — А русскому человеку без огурца никуда. В термос огурцы положим! Без соленого огурца, Арсений, нам никак, в нем вся соль.

Опасаясь непосильной ноши внезапных материальных ценностей, мой рюкзак прятался где-то между барометром и шахматной доской.

— Баб Лиз, две недели — это всего лишь 14 дней: 10 скучных и 4 под баян.

— Нет, Арсений, баян — это лишнее, а вот чешские гранаты — как раз, а?

Она сдувала пыль с глянцевой поверхности деревянной шкатулки с важностью музейного антрополога.

— Смотри, какая высокая рифма!

Баба Лиза накрасила губы, приложила к ним гранаты и дерзким театральным жестом вынула из пещеры нетленных знаний подходящее (румынское! Это тебе не маде ин чина) платье.

— Не забудь про лекарства, — без надежды на высокую моду сказал я, покидая эту внезапную гримерку.

Мой рюкзак и три чемодана с ресурсами бабы Лизы наконец-таки были готовы покинуть душное помещение и отправиться навстречу сосновым фитонцидам.

Когда мы наконец загрузились в такси, я чувствовал себя стариком Хоттабычем — очевидцем всех этапов индустриализации, и был согласен даже на «Ретро FM». Баба Лиза устроилась на переднем сиденье и всю дорогу давала водителю советы по экстремальному вождению и геополитике. Таксист, суровый мужчина средних лет, к концу поездки молча кивал и, кажется, готов был записаться в добровольческий отряд — исключительно в личное распоряжение бабы Лизы.

Санаторий «Сосновый» встретил нас смешанным ароматом какао и вареной капусты.

— О, классика, — одобрительно протянула баба Лиза, вдыхая этот воздух полной грудью. — Молодость. Ну что, Арсюша, веди меня к стойке регистрации. Будем проникаться взаимностью к местному долголетию.

Глава 11

В двухкомнатном номере повышенной комфортности о комфорте напоминал небольшой телевизор неизвестного происхождения, ковровая дорожка с лысинами от уверенных шагов здорового духа в здоровом теле и грустный чайник со следами то ли слез, то ли дезинфекции.

Суровые санаторные будни навалились уже на следующий день. Моя главная логистическая обязанность заключалась в транспортировке бабы Лизы.

— Сегодня у меня магнитотерапия, — командовала она, усаживаясь в инвалидное кресло, которое мы взяли напрокат для дальних дистанций.

— Но туда сейчас Петр Семенович из 312-го номера пойдет, а он бывший полковник, у него выправка и три ордена. Надо нам, Арсений, успеть занять очередь перед ним, чтобы он видел, на кого равняться.

— Баб Лиз, ты сюда лечиться приехала или личную жизнь устраивать? — ворчал я, толкая коляску по бесконечному коридору возможностей.

— Одно другому не мешает, — резонно заметила она. — В мои годы каждый полковник на счету.

Чудо осталось в пространстве вероятностей, после процедуры баба Лиза предсказуемо выбрала комфорт.

— Скучно там, Арсений, никакого движения, до накопительного эффекта транспорт не отдавай!

— Елизавета Петровна, и тут успели? — к кабинету приближался Петр Семенович.

Баба Лиза артистично вскинула брови и молниеносно выпустила стрелу:

— Настоящему орденоносцу магнитотерапия ни к чему, Петр Семенович! Настоятельно рекомендую отставить эти сомнительные эксперименты с энергетикой, а то примагнитите к себе государственные награды всей поликлиники!

Судя по широкой улыбке полковника, бесконтактные токи бабы Лизы попали точно в цель.

В четверг, когда в актовом зале объявили «Вечер танцев и караоке», баба Лиза заставила меня достать из чемодана ее лучшее румынское платье и под ярко-бордовую помаду расчехлила свои главные доспехи — чешские гранаты.

— Баб Лиз, может, посидим в номере? Там же душно, — пытался спастись я.

— Душно в твоем интернете, а там — жизнь! — отрезала она.

В зале гремели хиты Юрия Антонова. Баба Лиза, опираясь на свои верные ходунки, заняла позицию у фуршетного стола. Вокруг нее мгновенно образовался кружок жаждущих исцеления любой ценой. Полковник Петр Семенович не сводил с нее восхищенного взгляда.

— Здоровье, — громко рассказывала баба Лиза на весь зал, фиксируя на мне свои очки, — кнопками не управляется и по вай-фаю не раздается! Я ему твержу: «Жениться тебе надо, внук», а он мне: «Баб Лиз, я сейчас в тренде осознанного одиночества». Тьфу, прости господи, понапридумывают слов, чтобы за коммуналку вдвоем не платить!

Весь зал сочувственно посмотрел на меня. Я стоял в углу с пластиковым стаканчиком минеральной воды «Ессентуки-17» и думал о том, что через две недели такой терапии я сам добровольно запишусь на грязевые ванны. Желательно, чтобы меня там закопали по самую шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.